

Роберт У. Фогель
 Чикагский и Рочестерский университеты, США
 Стэнли Л. Энгерман
 Рочестерский университет и Наффилдский колледж
 Оксфордского университета, США

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАБСТВА: СРАВНЕНИЕ СЕВЕРНОГО И ЮЖНОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В США В 1860 г.*

Воздействие рабства на характер экономического развития предвоенного Юга Соединенных Штатов уже неоднократно подвергалось широкому обсуждению. В соответствии с традиционным толкованием, хозяйство предвоенного Юга было убыточным, застойным, велось малоэффективными методами и постепенно приходило в упадок, и виной всему была рабская система организации труда. При этом утверждают, что низкая производительность, органически присущая принудительному труду, делала использование рабского труда убыточным даже для большинства плантаторов. Кроме того, согласно этой теории психологические и материальные последствия использования принудительного труда отрицательно сказывались и на эффективности свободного труда, порождая многочисленную группу белых бедняков, которые были малограмотны, оторваны от рыночного сектора экономики и отличались низкой производительностью труда в сравнении со свободными работниками в районах, где не применялся рабский труд. При этом считают, что отношение, порожденное сохранением рабовладения, вело к снижению качества предпринимательской деятельности, к уменьшению объема капиталовложений, а также к неправильному распределению капитала между сельским хозяйством и промыш-

* Фогель Р., Энгерман С. Хозяйственная эффективность рабства: сравнение Северного и Южного сельского хозяйства в США в 1860 г. // 5-й международный конгресс по экономической истории. Ленинград, 10-14 августа 1970. Резюме докладов. Вып. 77. Полный вариант этого текста был опубликован на английском: Fogel Robert W., Engerman Stanley L. The Relative Efficiency of Slavery: A Comparison of Northern and Southern Agriculture in 1860 // Explorations in Economic History. Spring 1971. P.353-67.

ленным производством. В результате сопоставление данных по различным районам, будь то по всем видам хозяйственной деятельности или только в пределах сельскохозяйственного сектора, приходим к выводу, что Юг менее эффективно использовал свои ресурсы, чем Север.

Исследования, проведенные за последние пятнадцать лет на основе уточненных данных и с использованием усовершенствованных методов анализа, привели к решительному пересмотру некоторых аспектов подобного толкования. Было, в частности, показано, что использование рабского труда было прибыльным для южных плантаторов, что цена на раба была выше затрат на его воспитание, так что с экономической точки зрения рабство было вполне выгодным делом, и что доход на душу населения на Юге по нормам середины девятнадцатого столетия был не только высок, но и быстро увеличивался на протяжении двух десятилетий, предшествовавших гражданской войне.

Но как бы ни были важны эти открытия, они не проливают света на проблему сравнительной хозяйственной эффективности систем рабского и свободного труда. Ни вывод о прибыльности и жизнеспособности системы рабовладения, ни выявление высокого дохода на душу населения на Юге не исключают заключения о том, что выход продукции при условии эквивалентных вложений был на Юге меньше, чем на Севере. Правомочность подобного вывода может быть подтверждена только путем сравнения сопоставимых индексов эффективности производства в обоих районах, чего до сих пор еще не было сделано для всех сфер хозяйственной деятельности в каждом из районов, ни для любого из основных секторов их экономики.

В этой связи важно подчеркнуть, что хотя в исторической литературе презумпция низкого уровня экономической эффективности сельского хозяйства Юга получила широкое хождение, для подтверждения этой презумпции результатами тщательного анализа имеющихся количественных данных было сделано очень немного. Приятие этого утверждения покоится главным образом на негативных оценках положения дел в сельском хозяйстве Юга, оделенных на основе поверхностных впечатлений людьми, путешествовавшими по Югу в предвоенный период. Наиболее авторитетен из них отчет о подобной поездке

Фредерика Лоу Олмстеда. С его выводами согласился Дж.Э. Кэрнс (Caimes), который включил их в свою знаменитую книгу «Рабовладельческая держава». Как утверждал Кэрнс, рабский труд был малопроизводительным, поскольку рабы работали под принуждением, были неквалифицированными и, если и умели что-нибудь делать, то что-то одно. Кэрнс также утверждал, что рабовладельческая система накладывала на труд позорное клеймо, что не только вело к снижению производительности труда белых бедняков и делало их совершенно беспомощными, но и лишало южан стимула к развитию их предпринимательских способностей. В некоторых из наиболее важных работ при обсуждении проблемы хозяйственной эффективности ведения сельскохозяйственных работ на предвоенном Юге историки и экономисты широко использовали аргументы Кэрнса. Так, например, Юджин Дженовезе (Genovese) полностью разделяет воззрения Кэрнса в отношении производительности рабского и свободного труда, количества и качества нетрудовых вложений и экономического предпринимательства южан.

Мы намерены измерить и объяснить относительную эффективность использования вложений в сельскохозяйственных секторах Севера и Юга в 1860 году. Основным критерием измерения уровня эффективности будет геометрический индекс общего коэффициента продуктивности, выражаемого следующим уравнением:

$$\frac{As}{An} = (Qs / Qn) / (Ls / Ln)^{a_1} (Ts / Tn)^{a_2} (Ks / Kn)^{a_3},$$

где s, n — соответствующие подстрочные индексы для Юга и Севера, A — индекс общего коэффициента продуктивности, Q — общий объем сельскохозяйственного производства, L — вложения труда, T — земельные вложения, K — вложения не-земельного капитала, a_1 , a_2 , a_3 — соответствующая доля труда, земли и капитала в сельскохозяйственном доходе.

За доход рабов принималась стоимость маргинальной продукции рабов, а не стоимость их содержания, помноженная на их число.

Этот индекс был рассчитан и с поправками и без поправок на различия в качестве продукте и вложений. Расчет без поправок (см. первую колонку таблицы) показал, что на Юге общий коэффициент продуктивности был на 9,2% выше, чем

на Севере. Отсутствие поправок на качественную сторону в нескольких аспектах исказило измерение эффективности. Главной причиной искажения окончательных данных в индексе выхода продукции был тот факт, что на Юге животноводство было развито меньше, чем на Севере. Что касается вложений, необходимо учитывать, что соответствующая доля женщин и детей в количестве рабочих на Юге была больше, чем на Севере. Необходимо учитывать и различия в качестве земель. Расчет общего коэффициента продуктивности с учетом этих поправок представлен во второй колонке таблицы. Чистый результат внесения поправок повышает меру сравнительной эффективности южного сельского хозяйства. Во второй колонке стоимость As/An составляет 188,9 или на 27% выше стоимости этого показателя в первой колонке.

Таблица

*Два индекса сравнительной эффективности
сельского хозяйства на Юге в 1860 г.
(Юг в процентах к Северу)*

ПОКАЗАТЕЛИ	Условные обозначения в формуле	Количественное значение показателей	
		Без поправок	С частичным учетом поправок
1. Выход продукции	(Qs / Qn)	112,9	102,5
2. Труд	(Ls / Ln)	120,7	93,3
3. Земля	(Ts / Tn)	125,7	50,5
4. Капитал	(Ks / Kn)	53,4	53,4
5. Индекс вложений*	$(Ls/Ln)^{a_1} (Ts/Tn)^{a_2} (Ks/Kn)^{a_3}$	103,4	73,8
6. Индекс общего коэффициента продуктивности	$\frac{As}{An}$	109,2	138,9

* При расчете принимается $a_1 = 0,6$, $a_2 = 0,2$, $a_3 = 0,2$.

Тот факт, что индекс хозяйственной эффективности на Юге превышает показатели по Северу, не обязательно означает, что Юг добился этого успеха в силу особенностей системы использования рабского труда. Вполне, например, возможно, что на плантациях, использовавших рабский труд, хозяйство велось менее эффективно, чем на тех, где применялся свободный труд, и что по какой-то все еще неизвестной причине продуктивность свободных южных ферм была необычайно высока. В таком случае высокий индекс эффективности на

Юге должен вытекать из достаточно высокого среднего показателя, складывающегося из высокого индекса для свободных ферм и низкого для плантаций, использовавших труд рабов. Есть и еще одна возможность: и рабовладельческие и свободные фермы с многоотраслевым хозяйством, добывались примерно таких же показателей эффективности, как и «свободные» фермы не Севере, а плантации, специализировавшиеся на выращивании основных экспортных культур, вели свое хозяйство очень эффективно. В этом случае сравнительная эффективность Юга могла быть не следствием использования рабского труда, а результатом благоприятной ситуации на рынках его экспортных культур.

Хотя без дальнейшего изучения мы не можем абстрагироваться от этих альтернатив, имеющиеся данные говорят против них. Изучение описных листов всеобщей переписи 1860 г. показывает, что (во всяком случае, в отношении хлопка) крупные плантации, занимавшиеся его выращиванием, одновременно производили фуражное и продовольственное зерно, а также продукты животноводства. Более того, крупные плантации не только выращивали больше хлопка на каждого работающего, но и производили больше продовольствия на единицу вложенного капитала, чем мелкие. Кроме того, примерные индексы совокупного производства хлопка и зерновых (на основе цен) на каждого работника и акр посевных площадей на крупных фермах выше, чем на мелких. Поэтому нам представляется, что крупные фермы, широко использовавшие рабский труд, были более рентабельны, чем мелкие. Иными словами, мы высказываем предположение, что сравнительная эффективность сельского хозяйства на Юге, вероятно, связана с определенными специфическими чертами рабовладельческой системы.

Мы считаем, что две особенности рабовладельческой системы имеют особенно большое значение в том смысле, что могут в значительной степени объяснить наш индекс сравнительной эффективности ведения хозяйства на Юге, то

есть наше соотношение $(\frac{As}{An}) - 1 = (As - An) / An$. Первая

особенность состоит в том, что труд и, возможно, другие вложения при рабовладельческой системе использовались интен-

сивнее, чем при использовании в сельском хозяйстве свободного труда. В этой связи многие данные подтверждают посылку, что рабы работали больше дней в году и, видимо, больше часов в день, чем свободные фермеры. Поскольку в нашем индексе эффективности труд измеряется не в человеко-часах, а в человеко-годах, более интенсивное использование труда проявляется не в увеличении вложений труда, а в повышении уровня эффективности. Кроме того, наряду с более интенсивным использованием труда вполне могло происходить и более интенсивное использование капитала и земли, что не учитывается при измерении вложений. Таким образом, могли существовать и различные степени истощения плодородия земель, возможность, не учитываемая в нашем показателе земельных вложений. Проблема капиталовложений выдвигает еще более трудные проблемы, поскольку степень амортизации может быть независима от интенсивности использования капитала (например, лошадь, которая работает чаще, может протянуть дольше той, которой пользуются время от времени). Мимоходом можно отметить, что далеко не ясно, следует ли рассматривать более интенсивное использование различных вложений как фактор повышения эффективности или просто увеличения вложений как таковых. Отчасти это зависит от того, есть ли в нашем распоряжении критерий измерения интенсивности использования. Это зависит и от того, какую из точек зрения на исторические факторы вы желаете проиллюстрировать. В представлении рабовладельца, не ценившего свободного времени рабов как такового, наиболее производительным работником был человек, дававший наибольший выход продукции в расчете на год, а не на час. Поэтому переход с категории человеко-часов на человеко-годы косвенно подразумевает и изменения точки зрения.

Вторая важная особенность — возможность того, что рабовладельческий сектор сельского хозяйства давал значительную экономию в связи с крупномасштабностью производства. Эту возможность уже давно признают и широко обсуждают. Важным сдвигом в этом споре следует считать применение Гэвином Райтом (Wright) эконометрических методов для обработки данных описанных листов всеобщей переписи в целях расчета «параметра масштабности» (scale parameter). Райт не обнаружил никаких признаков увеличения

отдачи в зависимости от масштабов хозяйства. Тем не менее, как указывает сам Райт, результаты его эксперимента далеко не окончательны, поскольку он не смог достаточно точно измерить ни размеров вложений, ни выхода продукции.

Разумеется, более высокий уровень эффективности крупных ферм, как это нам представляется, мог объясняться не возрастанием отдачи, а повышением (с размерами фермы), скажем, логлинейной функции производства, эластичность выхода продукции при которой равна единице. Именно так обстояло бы дело, если бы более высокий уровень эффективности крупных ферм объяснялся более высокими предпринимательскими способностями их владельцев, более глубокими знаниями или каким-нибудь другим подобным фактором. Подобные возможности уже обсуждались в литературе. Некоторые специалисты утверждали, что величина ферм находилась в прямой зависимости, прежде всего, от организаторских способностей их управляющих.

Есть и третья возможная особенность рабства, способная помочь в объяснении сравнительной эффективности сельского хозяйства на Юге. Если плантаторы имели возможность переложить часть издержек на сохранение рабовладельческой системы с собственных плечей на все местное население, наш индекс вложений на Юге может быть слишком низок. Значение этой проблемы стоит в неразрывной связи с ответом на вопрос, представляли ли труд и капитал, уходявшие на предотвращение или подавление сопротивления рабов, плантации (и тем самым эти расходы должны быть включены в наш индекс вложений) или же государство. Одновременно необходимо выяснить, были ли расходы на содержание полиции и т.д. на Юге больше, чем в случае, если бы там не было рабства.